

Гореликов А. И.
A. I. Gorelikov

07.00.02

ЛИКВИДАЦИЯ КУЛАЧЕСТВА В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В 1930-Е ГОДЫ LIQUIDATION OF KILAKI PEASANTS IN THE ENCLAVES OF INDIGENOUS POPULATION IN THE SOVIET FAR EAST REGION IN 1930-IES

Гореликов Андрей Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Andrey I. Gorelikov — PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Аннотация: Статья освещает юридический и социальный статус аборигенов в начале коллективизации 1930-х гг. Исследование раскрывает незаконные действия властей по ликвидации аборигенного кулачества как социального класса в процессе борьбы с врагами народа в 1937-1938 гг.

Summary: The paper is concerned with the issue of legal and social status of indigenous people at the outset of soviet "collectivization" campaigns in 1930-ies. Illegal acts are described that the soviet government committed against aboriginal well-off peasants (kulakis) with the aim of eradication of this social group, as part of a campaign to liquidate "the enemies of the people" in 1937 – 1938.

Ключевые слова: кулачество, коренные малочисленные народы, коллективизация, Дальний Восток.

Keywords: Kulaks, native minorities, collectivization, Far East.

В российской историографии достаточно полно представлена научная информация о том, в какой

мере коллективизация аборигенных хозяйств определяла степень преобразований в экономической, политической, социокультурной жизни коренных народов края.

Однако вопрос ликвидации аборигенного кулачества, как класса, не нашел еще полного освещения в исторической литературе. В историографии советского периода, исходя из идеологических соображений, репрессии в этнической среде отражены лишь в самом общем виде. На современном этапе — недоступностью всего комплекса документов, особенно о проведении массовых репрессивных акций 1937-1938 гг. Цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе анализа источников, прежде закрытых, в определенной степени восполнить этот пробел.

30 июля 1937 г. с санкции Политбюро ЦК ВКП (б) был подписан оперативный приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Операция получила название «большой террор» [9, 447-485].

Этим трагическим событиям была посвящена состоявшаяся в Москве в октябре 2007 г. международная научная конференция на тему «Сталинизм в советской провинции (1937-1938 гг.): Массовая операция на основе приказа № 00447». В ее работе приняли участие свыше 65 исследователей из России, Украины, Германии, США, Голландии. Участниками конференции обращено внимание на необходимость осмысления всех репрессивных государственных действий для укрепления правового строя в современных условиях, критического, глубокого анализа всего комплекса соответствующих источников.

Сам образ репрессий — настолько важный инструмент политики, что общественное сознание пока что не готово к восприятию не только логического анализа, но и просто достоверной информации об этом явлении. Тем более, что точная статистика исполнения приговоров в отношении представителей коренных народов пока не опубликована. С уверенностью можно говорить, что ликвидация аборигенного кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации была результатом сложного противоречивого процесса, в котором столкнулись интересы государства и аборигенного населения.

Впервые лозунг «ликвидация кулачества, как класса», был введен Сталиным в декабре 1929 г. в выступлении на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов [10, 170]. В статье «К вопросу о политике ликвидации кулачества, как класса» 21 января 1930 г. Сталин пишет: «Чтобы вытеснить кулачество, как класс, для этого недостаточно политики ограничения и вытеснения отдельных его отрядов. Чтобы вытеснить кулачество, как класс, надо сломить в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников существования и развития. Это и есть поворот к политике ликвидации кулачества, как класса» [10, 183].

Раскулачивание являлось политико-юридическим инструментом насильственной коллективизации и требовало соответствующего оформления. Первыми легли в юридическую основу, узаконившую расправу, три документа, появившиеся на свет через 10 дней после статьи И. Сталина «К вопросу о политике

ликвидации кулачества, как класса», в которой зажиточное крестьянство объявлялось подлежащим уничтожению в своей основе. Это постановление ЦИК и СНК РСФСР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», приказ ОГПУ №4421 «О практическом применении постановления», подписанного председателем ОГПУ В.Р. Менжинским и его заместителем Г.Г. Ягодой. Третьим документом, определявшим порядок раскулачивания, стала «Секретная инструкция ЦИКа и Совнаркома союзным и автономным республикам, краевым и областным исполнительным комитетам» от 4.02.1930 года, подписанная председателями ЦИК и СНК СССР М.И. Калининым и А.И. Рыковым. Инструкция состояла из 3 частей: выявление и конфискация имущества у кулаков, порядок выселения, доставка кулаков в отдаленные местности.

На состоявшейся в мае 1930 г. X Дальневосточной краевой партийной конференции «О коллективизации и подъеме сельского хозяйства края» на основе вышеперечисленных документов был сделан вывод, что «по мере роста колхозного движения, развертывания мероприятий по ликвидации кулачества классовая борьба будет все больше и больше обостряться, находя свое отражение и во внутренней жизни колхозов» [7, 119]. Этот вывод был механически перенесен и в этническую среду, что подтверждалось постановлением бюро Далькрайкома ВКП (б) «Об особенностях коллективизации в северных районах края и исправлении допущенных ошибок» от 28 июня 1930 г. [4].

Был установлен ряд строго регламентированных мер, ограничивающих эксплуатационные тенденции аборигенного кулачества: исключение из членов коопераций и недопуска в артели; проведение снабжения при условии внесения аванса на полагающиеся по нормам товаропродукты; ограниченная продажа огнестрельного оружия и огнеприпасов; понижение нормы отпуска дефицитных товаропродуктов и др. [4, 48].

В качестве совершенно безотлагательных подготовительных мер краевой комитет партии предлагал приступить к составлению списков кулацкого состава. Список подлежащих раскулачиванию аборигенных хозяйств составлялся местными властями, решения принимались на родовых сходах и утверждались «тройками» в составе первых секретарей райкомов партии, председателей национальных райисполкомов и начальника районного управления ОГПУ. На деле вычленение в основном из однородной этнической среды социальной группы кулачества означало создание в местах обитания коренного населения обстановки революционного хаоса [3].

Впервые за всю этническую историю в основном экономически однородное аборигенное население искусственно было разделено на три социальные категории — «кулака, середняка и бедняка». Раскулачиванию зачастую подлежали «середняки» и «бедняки» аборигенные хозяйства, а также бывшие «красные партизаны» за отказы вступать в колхозы. Весьма часто присутствовали факты насаждения коммун, недопустимые перегибы в отношении реализации колхозниками излишков сельхозпродукции.

В качестве примера борьбы с кулачеством в аборигенной среде можно сослаться на воспоминания сотрудника НИЦ Чукотки И. Радава. В колымских ла-

герьх дважды побывал его сородич Рахтувье — молодой пастух-оленовод. Первый раз «по разверстке» 1932 г. отсидел 5 лет. Сразу же, как имеющий «опыт отсидки», в 1937 г. он вновь был арестован и доставлен в тот же лагерь. Начальник лагеря был в недоумении. Он сразу узнал этого здорового трудягу. Отбыв 2 срока, Рахтувье до конца жизни не понял, за что его забрали и увезли на 10 лет из родного стойбища. Другой сородич из рода Чутпелит Алеля также два раза побывал в лагерях. Отсидел свои 5 лет и третий сородич из этого же рода, Апанвант, которому удалось сохранить жизнь и вернуться в свое стойбище. Этот сильный, трудолюбивый и немногословный человек впоследствии стал бригадиром и еще много лет работал в оленеводческом колхозе. Из краткого описания И. Радава на страницах журнала «Живая Арктика» эпизодов некоторых судеб чукчей из многочисленного рода Чутпелит, владевших до коллективизации 10-12 тысячным стадом оленей, состоявшего из 5 больших и 4 малых стойбищ, кочующих в районе р. Амгуэн Анадырского района, еще 6 членов рода были навсегда увезены из родных стойбищ. Подобная практика была распространена на большинство зажиточных аборигенных хозяйств [6].

Приведенный пример и масса других, как отмечалось участниками научной конференции в октябре 2007 г., свидетельствуют тому, что террор носил плановый характер и должен был охватить, возможно, большее число преследуемых. Нерусское происхождение и преклонный возраст повышали шансы быть расстрелянным. Шаманы рассматривались властями, как наиболее «вредоносные», в связи с чем, к шаманам повсеместно применялась расстрельная статья, наряду со священниками.

Коллективизация, давшая выход «революционным инстинктам», на своем завершающем этапе подготовила «большой террор» не только против кулачества, но и других социальных слоев населения. Решение на проведение «кулацкой операции» было принято пленумом ЦК ВКП (б) 22-29 июня 1937 г. До настоящего времени этот пленум представлял белое пятно в истории партии. Находящиеся в бывшем Центральном партийном архиве материалы пленума содержат запись: «За 22-26 июня заседания пленума не стенографировались». О принятых решениях можно только судить по телеграмме Политбюро от 2 июля 1937 г., где «ЦК ВКП (б) предлагало всем секретарям областных и краевых организаций, всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через «тройки», а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП (б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав «троек», а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество, подлежащих выселке» [8, 234].

Официально ликвидированные в 1934 г. «тройки» вновь были введены. В числе первых по утверждению состава «троек» оказался Дальний Восток. Постановлением Политбюро от 10 июля 1937 г. было принято решение по Дальневосточному краю утвердить «трой-

ку» по проверке антисоветских элементов в составе т. т. Дерibasа, Птуха и Федина. Утвердить намеченных к расстрелу — 3017 чел. и выселке — 3681 чел. Распространить действие директивы ЦК также на находящиеся на Дальнем Востоке спецпоселки [2, 83].

Оперативным приказом народного комиссара внутренних дел СССР №00447 в Дальневосточном крае требовалось операцию начать с 15 августа 1937 г. Внесенные в списки «враги народа» были разделены на две категории. К первой категории относились кулаки, как наиболее враждебные, и подлежали немедленному аресту и по рассмотрению их дел на «тройке» — расстрелу. Ко второй категории относились все остальные, менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежали аресту и заключению в лагеря сроком от 8 до 10 лет.

В приказе №00447 был определен порядок ареста, ведения следствия и вынесения приговора. «Тройки» могли рассматривать дела как на каждого арестованного, так и на группу. Для вынесения приговора было достаточно признания арестованного, показаний одного из свидетелей или протокола допроса. Приказ действовал с 1937 г. по 1938 г. Это была массовая операция, где упрощенным способом, путем практики массовых арестов пострадали наиболее крепкие аборигенные хозяйства. Оказался полностью уничтоженным такой социальный слой в этнической среде, как шаманы.

За три месяца 1938 г. были арестованы и вскоре расстреляны почти все руководители партийных и советских органов края, в том числе и национальных районов Дальнего Востока. Например, Богдан Ходжер, председатель райисполкома Нанайского района, в годы гражданской войны был разведчиком в партизанском отряде. Будучи студентом института народов Севера в Ленинграде написал об этом в журнале «Тайга и тундра» рассказ «Как я партизанил». В 1933 г. являлся председателем одного из нанайских колхозов. Принимал деятельное участие в организации Нанайского района, был избран первым председателем райисполкома этого района. Был репрессирован и расстрелян со многими партийными и советскими руководителями края в подвале Хабаровской внутренней тюрьмы НКВД в 1938 г.

Вместе с ним по обвинению в антисоветской агитации и участии в правотроцкистской организации репрессирован секретарь нанайского райисполкома А. И. Гуськов [11].

В декабре 1937 г. председатель Кур-Урминского райисполкома Н. Д. Удикан по обвинению в антисоветской шпионско-вредительской деятельности арестован и в последующем расстрелян. В сентябре 1937 г. арестован, а 17 февраля 1938 г. расстрелян С. И. Сипин — заместитель заведующего Ульчского районного отдела народного образования [12, 294].

Имеется немало свидетельств, что репрессиям были подвергнуты не только шаманы, но и самые обыкновенные люди. Им запрещали совершать традиционные обряды и ритуалы, уничтожали культовые принадлежности, арестовывали, как японских шпионов [1, 224]. В 1937 г. Нижне-Амурским ОУ НКВД было сфабриковано дело «26 человек»: двое из арестованных были нивхи, остальные — ульчи, обвиненные в японском шпионаже и контрреволюционной агитации [12, 296].

Столь же нагляден другой пример по Ульчскому району Хабаровского края, приведенный А. Сутури-

ным из письма А. Кильги. «Пишет вам Кильга Анна Константиновна (девичья фамилия Дяксул). Я живу в селе Богородском Ульчского района. Давно собиралась написать вам о своем отце, которого репрессировали в 1937 году. Мой отец Дяксул Каба, 1898 года рождения, был арестован 25 сентября 1937 года. Он был рыбаком колхоза «Красный Маяк». Такой колхоз находился в селах Амур и Май в Ульчском районе. Сейчас этих сел нет, как и колхоза. В память о нем остался лишь высокий маяк. Отец был безграмотным, но неплохим охотником и рыбаком.

Я своего отца вообще не помню, только по рассказам старших сестер — к дню ареста мне исполнилось всего два месяца. Сестра, Ковина Татьяна Константиновна, живет в селе Нижняя Гавань. У нее семеро детей. Всю свою жизнь (с 12 лет) работала в колхозе. Сейчас на пенсии. Старшая сестра, Ольга Константиновна Дяксул, умерла в 1976 году.

Так вот, по их рассказам я знаю, что в сентябре 1937 года ночью к берегу возле села Май пристал какой-то катер. Из него на берег вышли несколько человек и стали ходить по домам. И вместе с ними ходил Вальдю Солдашка, который указывал им, кто «враг народа». В эту ночь забрали с собой и увезли на катере в неизвестном направлении моего отца, его братьев Дяксула Эдика, Дяксула Кыткы и двоюродного брата Дяксула Гусада.

Моя мама, Дяксул Кужынды (девичья фамилия Вальдю), родная сестра по матери писателя Вальдю Алексея Леонтьевича, сама неграмотная, просила образованных людей и делала запросы во все инстанции о муже, но все ее слезные просьбы никто не услышал, ни сам Сталин, ни Всесоюзный староста, ни местное начальство — в крае и в Нижнее-Амурской области. Потом, по слухам, она узнала об отце, что он якобы находится в Николаевской тюрьме. Собрала посылку и отправила ее в Николаевск-на-Амуре. Но и оттуда не получила никакого ответа. Так бесследно исчезли мой отец и его братья. А мама от тяжелой жизни и болезни умерла в 1947 году, так и не узнав ничего о муже.

Несколько лет назад я узнала, по неточным сведениям, об отце, что якобы их в том же 1937 году погрузили на гнилую баржу, а кто оказывал сопротивление — связывали по рукам и ногам, и утопили в лимане недалеко от Николаевска-на-Амуре.

В 1957 году я получила справку о том, что дело по обвинению гр. Дяксул Каба, 1898 года рождения, военным трибуналом Дальневосточного военного округа 10 июня 1957 года пересмотрено, и постановление от 17 февраля 1938 года, по которому был осужден, отменено за отсутствием состава преступления. Гр. Дяксул Каба посмертно полностью реабилитирован. Но так мы до сих пор не знаем, где наш отец похоронен.

Много времени прошло с трагической гибели моего отца, дядей и многих их сородичей. Разве они, малограмотные, никуда не выезжавшие из своих стойбищ, могли быть врагами народа и агентами? Они даже не могли расписываться» [12, 290-291].

1938 г. явился пиком репрессий на Дальнем Востоке. 21 января 1938 г. руководство края затребовало разрешения центра на арест 8 тыс. чел. по первой категории и 2 тыс. — по второй. 6 июля 1938 г. заместитель Ежова Фриновский, прибыв в край в поряд-

ке углубления «поверхностной» работы, потребовал новый лимит: по первой категории — 15 тыс. чел., по второй — 5 тыс. чел. И этот лимит был получен. Таким образом, 1,5% населения края (общая численность проживающих на дальнем Востоке 2,5 млн. чел.) было репрессировано. В последующем их участь разделили и исполнители [9, 495].

Следует отметить, что в отличие от первой волны раскулачивания начала 1930-х гг., репрессии 1937-1938 гг. захватили наиболее значительную часть аборигенного населения, отнесенного к разряду кулаков — «не выявленных» или «недораскулаченных». В соответствии с приказом арест в местах расселения аборигенного населения осуществлялся чрезвычайно поспешно, шла повальная фальсификация социального состава репрессированных. Под видом кулака активно устранялись лица, негодные местной власти. Решающую роль в обвинительных приговорах сыграли справки сельсоветов, написанные под диктовку следственных органов. Термин «кулак» к этому времени в этнической среде сам по себе стал чем-то вроде обвинительной статьи. Введенная «разверстка» по поиску кулака представляла собой сложное явление. Выполнение приказа в национальных районах приобрело черты типичного для того времени «соцсоревнования», где во многих местах «спущенные цифры врагов народа» перевыполнялись.

Репрессии против руководителей и членов райисполкомов и райкомов партии национальных районов привели к срыву работы административных органов в принятии жизненно важных решений для аборигенного населения, особенно в обеспечении продуктами и товарами первой необходимости. Например, в том же нанайском районе из 11 членов райисполкома на заседаниях в январе 1937 г. присутствовали 3 члена президиума, в феврале 1937 г. — 5 членов президиума.

В 1938 г. волна арестов продолжилась. Так, не работав и двух месяцев на посту того же Нанайского района, председатель райисполкома Г. А. Самар и секретарь райисполкома А. К. Лисеенко, заведующий начальной школой с. Бельго Комсомольского района П. Киле, были арестованы с предъявлением обвинения в контрреволюционной деятельности и проведении антисоветской работы. Арестовывались председатели и секретари низовых звеньев — сельских Советов. Это привело к нерегулярной работе Советов, а в ряде случаев и полному прекращению их деятельности (Найхинского, Джонкийского, Джаринского, Дадинского, Анюйского) [5].

Суммируя сказанное, можно утверждать, что ликвидация аборигенного кулачества как класса в доклассовом этническом обществе носила скорее политический характер, чем экономический. В практике осуществленных репрессий прослеживаются две волны этого процесса — одна в начале 1930 г., другая — в 1937-1938 гг.

Первая волна была глубже и продолжительнее в экономическом плане. Раскулачивание крепких, зажиточных аборигенных хозяйств, вышедших за рамки натурального хозяйствования, привело к уничтожению сложившихся в период нэпа рыночных отношений. В политическом плане разрушение традиционного уклада было связано с применением механизмов дискредитации наиболее трудолюбивой, более пред-

приимчивой части аборигенного населения. Раскулачивание означало лишение всех гражданских, конституционных, в первую очередь избирательных прав. Внесудебное рассмотрение дел кулаков так называемыми «тройками», повышенное налогообложение, всевозможные ограничения вылились в силовую модернизацию традиционного сектора аборигенной экономики. Власть сконструировала искусственную группу кулачества, подлежащую ликвидации как класса.

Вторая волна была санкционирована высшим партийным руководством государства, проведена в короткие сроки под жестким давлением и контролем региональных и местных властей. Она привела к физическому уничтожению подавляющей части руководителей территориальных национальных образований, председателей колхозов, особо почитаемой в аборигенной среде социальной категории — шаманов, добросовестных тружеников, всех тех, кто являлся, по мнению властей, опасными «социально чуждыми элементами».

В заключение, опираясь на вполне обоснованный исторический материал, отметим, что коллективизация для коренных народов была самым трагическим периодом в этнической истории. Коллективизацией завершился длительный исторический период эволюционного развития коренных народов Дальнего Востока. Аборигенное население было отчуждено от средств производства, лишено права распоряжаться результатом своего труда, потеряло право самостоятельно решать, где и как они могли жить. Созданные колхозы превратились в своеобразные государственные предприятия с жесткой плановой регламентацией производственной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березницкий С. В. Отражение политических репрессий 30-х гг. XX в. в рассказах и воспоминаниях коренных народов Нижнего Амура/С. В. Березницкий // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920-1950 гг. — Владивосток: Дальневосточный ун-т, 1997. — С. 220-229.
2. Биннер Р. Юнг М. Как террор стал «большим»/Р. Биннер, М. Юнг. — М.: Айрис-Пресс, 2003. — 307 с.
3. Государственный Архив Хабаровского Края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 30.
4. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 191. Л. 47.
5. ГАХК. Ф. 1747. Оп. 1. Д. 16. Л. 1-26.
6. Живая Арктика. — Хабаровск. — 2002. — №2.
7. Из истории коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока (1927-1937 гг.) — Хабаровск: Госкомиздат, 1979. — 240 с.
8. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, 1917-1991. — М.: Материк, 2003. — 766 с.
9. Прудникова Е. А. Хрущев. Творцы террора/Е. А. Прудникова. — М.: ЗАО «Медиа-Групп», 2007. — 640 с.
10. Сталин И. В. Сочинения/И. В. Сталин. — М.: Политиздат, 1953. Т. 12. — 570 с.
11. Сутурин А. Воскрешение Богдана Ходжера/А. Сутурин. — // Приамурские ведомости. — 1991. — 4 января.
12. Сутурин А. Дело краевого масштаба: О жертвах сталинского беззакония на Дальнем Востоке/А. Сутурин. — Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1991. — 304 с.